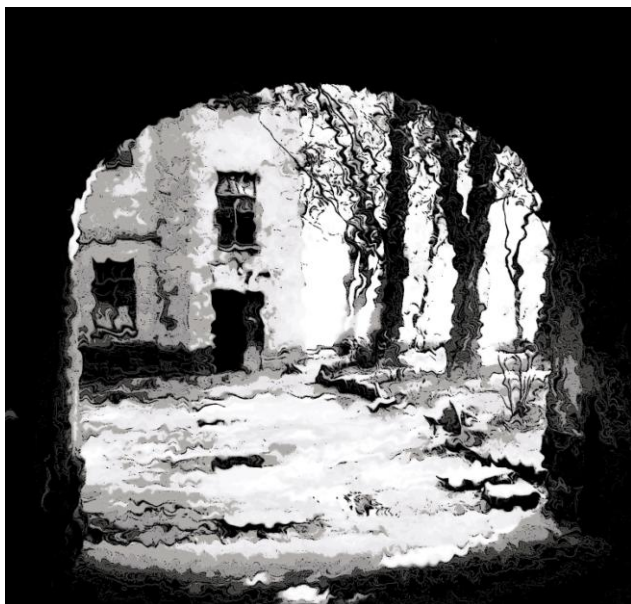

БОРИС КРАСНОВ

Лёгкий бред существования

Санкт-Петербург 2015

ББК 47.2.1.2

К 78

Печатается в авторской редакции

Корректор: Галина Ильина

©Краснов Б.Н. стихотворения 2015

©Краснов Б.Н. рисунок 2015

ПОДВАЛ

1.

Это был подвал или полу- подвал, разница,
собственно говоря, не велика.
Жизнь торопилась сперва, теперь вот тащится,
тщательно превращая меня в старика.

В том подвале был чемодан с игрушками,
лампочка в чепчике из петель сквозных...
Вечера в подвале казались длинными и скучными -
цветными карандашами я раскрашивал их.

В углу за дверью там стоял веник,
присыпанный пылью нищего бытия,
Иногда и я там стоял, как пленник,
не понимая того, что я - это я.

В подвале ничего не знаешь заранее,
слёзы не помогают - от них одна только соль.
Многого не понимал я, и это непонимание
делало меня живучим, как моль.

2.

В подвале есть нечто экосистемное.
Жить там всё равно, что жить подо льдом.
Это пространство - по преимуществу тёмное,
даже лампочки в подвале вспыхивают с трудом.

Отковырнёшь половицу, а там свои обитатели:
черви, мокрицы, длинноногие пауки.
До чего прихотлив, однако же, ум Создателя,
не жалел фантазии на всякие пустяки.

В подвале надо было говорить шёпотом,
в близком аду тебя не услышали чтоб.
Потому что подвал - это частично закопанный,
но не присыпанный землёю гроб.

Близость к земле рождает тягу к небесному:
звёздам, лунам и всяческим облакам.
Можно покинуть подвал через дыру телесную,
но часть тебя всё равно останется там.

3.

Взрослые в подвале постоянно ругались.
Это была форма их подвального бытия,
стиль выживания. Странно, что здесь рождались
дети. Что, например, здесь появился я.

Голова у меня оказалась большая,
взгляд бессмысленный, ну а рот
(и в кого такой рот?)
кривой. Мама мучилась, выталкивая меня, рожая
отец определил сразу, что я - идиот...

Спрятаться от шума не так уж легко в подвале.
Я уползал в угол, под стол или же под кровать,
реже забирался в шкаф. Меня искали,
находили, теряли, снова начинали искать.

Днём в подвале гремели кастрюлями,
тоскливый баян перепиливал тишину
узкой комнаты. Вечером двигали стульями,
швейная машинка стучала. Я отходил ко сну.

Но и по ночам там происходили скрипения,
шуршания, то зажигали, то гасили свет...
Тишина в подвале могла лишь одно объяснение
иметь - в подвале никого нет.

4.

О, конь Троянский! - богатырь фаянсовый,
мне не оседлать тебя, не проехать верхом...
Я плохо держу ложку, мне платок подвязывают.
Перепаханный кашей, я думаю о своём.

Представляю город из кубиков цветных, где чинно
гуляют медведи плюшевые и слоны.
Я восхищаюсь увиденным, и это, конечно, причина,
чтобы немедленно и обильно напрудить в штаны...

Наводнение в городе! И суета воздушная
пробегают по каналам, деревьям, кустам.
Каждый подвал превращается в каменную
ловушку
для тех, кто ещё ходить не умеет сам.

Подвал и канал - сообщающиеся сосуды.
И в прежней жизни было так уж заведено,
что вода в подвал в нам приходила оттуда,
куда у других обычно уходило дерьмо.

5.

Запахи в подвале обитали разные -
обычно, с левой или правой резьбой.
Одни пролетали сквозь нос как смазанные,
другие прокладывали себе путь борьбой.

Невозможно подвал до конца вынюхать -
отовсюду тайные источники бьют.
Только взрослые, из которых уж сердце вынуто,
без трепета чай свой на кухне пьют.

Особенно остры ощущения и запахи,
когда возвращаешься из летнего далека.
Сырости лепестки, корешки затхлости
доводили меня до звериного столбняка.

Ключ в замке поворачивается с усилием,
словно переламывается железный зуб...
К подвалу можно было относиться, как к лилии,
но он с тобою всегда оставался груб.

6.

Окна в подвал легко разбивать ногами.
Предпочтительнее это делать зимой.
Перед внешними подвал беззащитен врагами,
нечем ему в ответ выстрелить, кроме как:
"Боже мой!"

В разбитые окна легко залетают льдины.
Они бьют посуду, обои на стенах рвут.
Они доказывают, что добро и зло - едины,
одно переходит в другое за пару минут.

Пьяные дураки - наша национальная гордость,
им во всём снисхождение. Видимо, потому
мы и ходим так часто с битыми мордами,
даже в своём собственном терему.

Ах, подвал-теремок, толчея в ступе!
Рамы починим, окно застеклим,
обои подклеим, посуду другую купим,
а что глаз подбили, так и хрен-то с ним!

7.

Возвращаясь домой,
поднимаются вверх по лестнице
все, кроме тех, кто живёт в подвалах. Они,
обречённые, спускаются вниз. Из месяца
в месяц так проходят их дни.

Ниже колодца-двора - дна булыжного! -
жили мы, свой чёрствый хлеб преломив.
С поверхности жизни ничего лишнего
к нам не проникало: ни света, ни перспектив.

Но в подвале был шкаф, марганцовкой крашенный,
ещё дедом сколоченный, - батискаф на мели! -
и я залезал туда, и со скоростью страшной
опускался к самому центру Земли.

В центре Земли ничего не происходило:
никто не ругался матом. Никто никогда
не ставил меня в угол. Там озеро было,
и в озере плавала мандариновая звезда.

8.

Двор казался мне всегда продолжением подвала -
те же серые стены, сырость и нищета.
Потолка настоящего двору лишь недоставало -
серые облака его заменяли. С листа

чистого ничего не рождается. В зрелости
понимаешь, что всякий начальный лист - сер.
И этой своей первородной серостью
он пропитывает и сердце, и интерьер.

Подвал всемогущ! Свои пальцы цепкие,
свои корни подземные он затолкал
во все щели. К подобранной ржавой скрепке
приглядишься внимательнее, и увидишь подвал!

Подвал всему! И весь мир - подвалище.
А мы - с оранжевыми абажурами, простакки,
бывшие холопы, батраки, теперь вот - товарищи.
Песочных часов немеряные пески...

9.

У подвала нет прошлого, лишь - настоящее.
Будущего у него тоже нет.
Оттоманка моя, душа болящая,
сожжена в крематории по дряхлости лет.

Абажур оранжевый, солнце дутое,
где теперь его ржавеет скелет?
Этажерка-пагода, красота утренняя,
даже слова теперь такого в употреблении нет.

Нет радиоточки с летящей чайкою,
дедовских табуретов, пёстрых половиков.
Я - последний, кто в этом забвении участвует,
и забыть эти частности я уже готов.

Я живу теперь в тесном холодном бетонном улье,
подо мной подвал - но другой! - он ночами не спит.
Там бомжи пьют спирт, отливают пули...
И моя пуля за мною уже летит.

* * *

Помню старую Коломну,
Катерининский канал,
что змеёю подколодной
под мостами проползал.

Он пугал воображенье
темнотой придонных струй.
Лишь змеились отраженья
в сонме солнечных чешуй.

Подворотен помню норы,
восьмигранные дворы,
улиц пыльных коридоры,
первомайские шары.

Гром булыжный, дождь облыжный.
Помню, помню невпопад:
магазин далёкий книжный,
телефонный автомат...

Помню запахи и звуки
(с каждый годом всё сильней),
помню радости и муки
жизни, словно не моей...

* * *

Ещё не сломаны ключи,
ещё не заперты колодцы.
Откроешь створки и - молчи,
пока поток чудесный льётся.

Ещё возможно заглянуть
и воскресить - и свет, и тени.
И к колыбели протянуть
дрожавшей памяти ступени.

Ещё картинок хоровод,
хоть зыбок, но подвластен свету, -
как будто кто-то воду льёт,
и я гляжу сквозь воду эту.

И вижу листья, вижу сад,
канал с чугунными мостами.
И дом - облупленный фасад,
и двор - источенный дождями.

* * *

Это - вечер, это - город,
горб Аларчина моста.
Это - осень, это - горечь
тополиного листа.
Это - детская считалка
про стакан и про лимон.
Это - Светка или Галка,
промелькнувшие как сон.
Это - сломанная ветка,
стук легчайших каблучков.
Это - кинь скорей монетку
на асфальт её шагов.
Это - в небе самолётик
над каналом в вираже...

Это - мир без оболочек,
отразившийся в душе.

* * *

Мы с тобой наиграемся в фантики,
проходные покинем дворы.
Лошадиная доза романтики
не спасёт от тоски и хандры.

Будет ветер в воротах наяривать,
будет пыль завиваться столбом,
как пойдём мы себя разбазаривать,
да вино проливать за столом.

Кто нам скажет, как жизнь называется?
Может, имя её - пустяки?
Слышишь, нет ли, как камень катается
по гремячему руслу реки?..

Наиграется ветер воротами,
наиграется камнем вода.
Вновь стою пред знакомыми сводами
с головой, что седа, как слюда.

Вновь стою, напоённый молчанием,
мятый фантик в руке шевеля,
и листвою разочарования
осыпают меня тополя.

* * *

Он поставлен в центре мира,
в сердце северной зимы -
город серого ампира,
проводник крылатой тьмы.

Он поставлен в центре ночи -
город-призрак, город-дым,
от оград до крыш источен
жёстким бегом ветровым.

Как тут жить? Какого знака
ожидать? О чём блажить?
Свет вынынчивать из мрака?
Снег ладонью ворошить?

Есть ли смысл в тоске заплечной,
если раз и навсегда
над тобой фонарь аптечный
в ночь вколочен, как звезда?

МУСОРНЫЕ БАКИ

Я помню мусорные баки -
их трёхsegmentные тела,
их крышек мощные "ба-бахи!"
И - дрожь, ответную, стекла.

Глубоким сумраком объаты,
нездешней тайною полны,
как межпланетные снаряды
они стояли у стены.

Во тьме двора, на дне колодца
они мешали мне уснуть -
казалось мне, сейчас взорвётся
их огнедышащая суть!..

В пустом дворе острее все звуки,
но сколько слух не вороши,
молчат застёгнутые люки
в сырой предутренней тиши.

О, это злое наваждение -
рассветный воздух сер и хмур,
и длится, длится напряжение,
шипит в ночи бикфордов шнур.

Сейчас, сейчас мой бред растает,
будильник вскрикнет на окне...
И мусор весь - вся жизнь былая! -
исчезнет в стартовом огне.

* * *

Сентябрь летит, разбрасывая рифмы.
Всё повторимо в Вечности скупой.
Руководят таинственные ритмы
всей нашей жизнью, памятью, судьбой.

Кто режиссёр, что этим балом правит -
прораб-механик, гений криптограмм?
Пройдёт комета - идолов повалит.
Взойдёт луна, и кровь прильёт к щекам.

И смена дней, и смена настроений
цикличны, как вращение колёс.
Всё вплетено в систему повторений,
и каждый смех своих дождётся слёз.

* * *

Безвозвратно разрушен
мир колодца-двора.
Патефон его слушал,
я как будто вчера.

За решёткой железной
в комнатёнке пустой
весь окутан отвесной,
словно шкаф, темнотой.

И шуршала пластинка,
и шипела игла.
И душа-паутинка
трепыхалась - жила!

* * *

Голова болит.
Ах, как болит голова - уже день третий.
Это клеймо осени на моём лбу.
Растворился, растаял мир,
о котором я грезил,
не разглядеть его даже
в астрономическую трубу.

Ах, ничего не успел я!
Потому ль, что всего боялся?
Вполсилы любил, вполголоса пел.
Бог окликал меня, но Бог обознался -
оказалось не тот я, о ком он радел.

Голова болит.
И от этого - всё, что снаружи,
словно опутано сеткою золотой.
И, кажется,
мысли в меня набиваются туже,
чем способен выдержать рассудок мой.

Уж о чём я только не написал всеу!
Разорвать бы в клочья,
да в порошок стереть...
Но болит моя голова, и значит –
я существую,
и значит, есть ещё во мне то,
что способно болеть.

* * *

Лёгкий бред существованья,
золотых иллюзий плен.
Над бумагой волхвованье
о заклатье перемен.

Что менять? Лишь гнев на милость.
Оглянись, глаза протри -
всё давно переменилось
и снаружи, и внутри.

Жизнь давно пришла к остатку,
только стих растёт в ночи,
и слова ложатся в кладку,
словно в стену - кирпичи.

Слышу, дух бессонный бродит
хореической стопой,
и стена из слов восходит
между мною и не мной.

Эти строфы словно башни,
в них - бойницы и стволы,
в них укрылся день вчерашний
от насмешки и хулы.

Эта в буковках страница -
заповедная страна.
Здесь душа моя томится,
в нелюбви уличена.

* * *

Никто уже не читает длинные
стихи. И читательское - "Wow!" - всё глуше
звучит. Сложная фраза застревает в инее -
высказанная с жаром, замерзает тут же.

Никто уже не слышит никого, кроме
себя. Да и себя, любимого, - через силу.
Слишком много воды, слишком мало крови
пролито, чтобы боль заколосилась.

И зёрна упали бы в неисповедимую
землю, и за циклом цикл повторилась
жизнь. А поэзия?.. Это ведь что-то мнимое -
из слов выпорхнуло, в словах же и скрылось.

* * *

Любая мысль во вред,
любая - мучит душу.
И оснований нет
их извлекать наружу.

Они внутри меня
и судят, и решают...
Булатом слов звеня,
мой смысл опустошают.

* * *

За поэзией лжи
наступает поэзия мрака.
Что мне делать, скажи?
Я от жизни устал, как собака.

Эта душная темь
догоняет и справа и слева.
Я устал каждый день
выпадать из вагонного чрева.

Я не верю ни тем,
ни, признаться по совести, этим.
В пересменке систем
жизнь погаснет, а мы не заметим.

Что за радость глазам
ковыряться в летейских туманах?
На заветный "сезам"
отзовутся лишь дыры в карманах.

* * *

...И в сердце сострадания нет,
лишь - ожидание итога.
Тоской неразличимых лет
покрыты небо и дорога.

Среди ненужных мне людей,
среди ненужных мне событий,
неутомимый лицедей -
опять пляшу на тонких нитях...

Любовь устала повторять
слова, касания, движенья.
В глазах листвы, летящей вспять -
холодный воздух отторженья.

* * *

Жена сказала: "ненавижу!"
И убежала с кухни прочь...
Сижу, гляжу в окно, как в нишу,
откуда натекает ночь.
Сижу среди посудных полок,
верёвок, где висят носки...
Не то чтоб встречной злости полон,
но - оупляющей тоски.
Сижу как сыч, поэт бездомный,
на перекрёстке чёрных дней,
и мир враждебный законный
меня сжимает всё тесней.

В ОЖИДАНИИ ГРОМА

- Валить нужно срочно из этого дома, -
так сын заявил... Что отвечу ему?
И мне эта мысль до оскомы знакома,
и я - в этом доме живу, как в дыму.

Посмотришь вокруг: никакого просвета.
Жена - достаёт, и отец - достаёт...
Живу, будто в панцирь железный одетый -
ни жалость, ни ярость меня не берёт!

Живу, как Фома в ожидании грома,
пустые считаю в окне фонари...
- Валить нужно срочно из этого дома!
Пока ещё что-то осталось внутри...

А что там осталось? Неверная лира -
что глохнет, с годами всё тише звеня...
- Валить нужно срочно из этого мира!
Но в мире другом... как там примут меня?

* * *

Во тьме несбыточных событий,
во лжи неслыханных щедрот,
сизу, перебираю нити,
наитий собирая мёд.

Плету словесные корзины
под небывалые грибы,
пока умы ломают спины,
причины - подпирают лбы,

пока толкутся экивоки,
не зная горя и труда,
пока зима, нарушив сроки,
роняет свечи изо льда.

Пока вода в кипучей страсти
жгуты свивает в полынье,
и все события, как счастье,
лежат в фарфоровой свинье.

* * *

Не догнать ни воды, ни песка.
Время вытравит юность из тела.
Жизнь моя, что была глубока,
непонятно, когда обмелела.

Непонятно, под чьим сапогом
травы падали хрустко и ломко...
И неясно, в затоне каком
догнивает разбитая лодка.

Только ветер и запах золы,
только странная радость к утратам...
Бледный иней пророс из земли
и пополз по надломленным травам.

Скоро-скоро посыплется снег
с лёгким шорохом в колбочки зрения.
И проявится то, чего нет,
а что есть, потеряет значение.

В снежный пух упадёт лебеда,
вздрагнет тело в испуге сознания...
Скоро-скоро песок и вода
потеряют свои очертанья.

* * *

Выбирай вино или дорогу,
всякий путь - пугает пустотой...
Я служил серебряному слогу -
богу тонкой буквы золотой.

На душе и тягостно и немо,
дни преступно ходят по кольцу.
Выбирай лопату или невод,
и готовься к честному концу...

Дым печной к небесной тверди задран,
скоро звёзд слетится мошкар.
Выбирай: сегодня или завтра?
Ибо время кончилось вчера.

* * *

Всё - вопросы, и всё - без ответа...
Чем томишься, несбыточный ум?
Голова разболелась от ветра,
от дурных нефiltroванных дум.

Знать бы, чем успокоит дорога,
знать бы, где сердце радость совет...
Состояние духа - убого.
Состояние счёта - не в счёт!

Скоро грянет, а где - не измыслю,
скоро рухнет, а что - не пойму.
Как по радуге, по коромыслу
улетят мои вёдра во тьму!

КОЛОДЕЦ

Осень листья колотит -
мир в сплошной желтизне.
Деревенский колодец,
плеск воды в глубине.

Наклоняюсь над мрачной
и сырой темнотой,
там, внизу - свет прозрачный
и чуть-чуть золотой.

До головокруженья -
крут бревенчатый сруб.
Там, внизу - отраженья
крыш железных и труб.

Там небесные дали,
там былое Вчера.
Глубь колодца впадает
в высь колодца-двора.

И связует два мира
древо-каменный сруб,
два разнящихся мига,
как два выдоха с губ.

* * *

В каждой сказке растут лопухи,
да не каждая хвалится далью.
Запредельные чувства тихи,
а восторг - опечатан печалью.

Скоро осень, и солнце - в золе.
Кроны ходят по небу враскачку.
Пошуруешь в сосновом дупле
и отыщешь паучью заначку.

Много думать - любви не видать.
Хорошо дураку на природе
среди трав свою тропку вязать,
при любой среднерусской погоде.

До чего же душа весела!
От того, что родился - в сорочке.
Далеко улетела стрела,
далеко за лягушкины кочки.

В желтых травах сухая печаль,
в синем небе далекая птица.
В каждой сказке отыщешь мораль,
да не в каждой царевна случится.

* * *

Первый заморозок, в инее трава.
Забывает осень тёплые слова.
Лишь холодные слетают с жёлтых губ,
надо мною небосвод – сине-голуб.
Вдоль дороги - ледяные лужи в ряд,
злаки жёлтые да ржавые стоят.
Над оттаявшей хрустальною травой
мотылёк порхает поздний луговой.
Я шагаю по тропе, ведущей в лес -
солнца луч сверкнул над елью и исчез.
Я иду туда, где хвойный беспредел,
где черничник окостлявел - облетел.
Где повалены тяжёлые стволы...
Так же мысли мои нынче тяжелы.
Я хожу по лесу, хмур и не здоров,
я ищу во мху уснувших пауков.
Вот и мне бы так, подобно пауку,
закопаться в эту палую труху.
Замереть, застыть, затихнуть, замолчать...
На мобильные звонки не отвечать.

ЛОКНЯ

Ярославу Шабле

Где стог, под которым мы некогда пили?
По-братски поллитру "Столичной" делили?

Ни стога того, ни бутылки порожней...
Но тот же посёлок железнодорожный.

И рельсы ведут всё туда же - на север.
И тот же, пожухлый, на выгоне клевер.

И тот же пакгауз на той же версте.
Лишь тучи какие-то... те, да не те.

Как будто бы гуще, мрачнее и ниже,
Как будто ко мне подтянулись поближе...

Ах, если б лет двадцать я выбросить смог!
Опять завалился бы с другом под стог.

Мы снова бы водки бутылку открыли
и вспомнили всех бы, кого мы любили...

Увы, пролетела пора молодая.
И в тех же канавах - вода, но другая.

Кузнечик скрипит одиноко и нудно.
О, сколько печали! Мне столько не нужно!..

Стою у железнодорожной развилки,
разъятый как будто на две половинки.

ФИЛОСОФИЯ ТЕНИ

Юрию Шестакову

Предмет сканируя лучом,
ежеминутно, ежечасно,
я вижу: суть предмета в том,
что тень его многообразна.

А каждый взгляд - он тоже луч.
И значит, тень - изнанка взгляда.
И если луч по сути жгуч,
то тень всегда холодновата.

Как ни хотел бы верить я
в добро, что в радугу одето,
есть философия своя
в чередованье тьмы и света.

Чем ниже луч, тем тень длинней.
И потому в часы заката
полки немеряных теней
идти готовы брат на брата.

Но поднялся к зениту свет,
и всё белым-бело от света.
Но если внешней тени нет -
есть внутренняя тень предмета.

И если свет всегда - исток,
то тень всегда во тьму впадает.
И потому так одинок,
кто личным светом обладает.

Будь ты солдат или поэт,
вглядись в себя без лжи и лени -
что видишь в свете прошлых лет?
Одни лишь тени, тени, тени...

* * *

Разорвётся цепочка примет -
колесо убежит от телеги,
и от яблони яблока след
уведёт через холмы и бреги.

Достигай же заветных вершин,
отрицай и клейми постоянство!
Ветер стойкость твою сокрушил
и оставил пустое пространство.

Ты ещё не родился на свет,
и с тобой ничего не случилось...
Ах, как пенится яблони цвет!
Как пчела по цветку истомилась!

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСЕНКА

Всё проходит, всё проходит.
Всё почти уже прошло.
Жизнь сама себя изводит
на талант и ремесло.

На приязнь и на немилость,
на дела и на слова.
Жизнь настолько износилась,
что почти уже мертва.

Нам с тобой остался только
дней её последний свет:
пара-тройка, пара-тройка
нерастраченных монет.

Оторвёмся напоследок,
воспарим в ночную тишь:
выше окон, выше веток,
выше крон и выше крыш.

Не удвоить, не утроить
дней последних благодать.
Что нам стоит ночь построить,
свет погасим - ляжем спать.

Звёзды спят в небесной тверди,
а под ними люди спят.
"Хуже смерти, лучше смерти" -
вот и весь сравнений ряд.

* * *

Вся жизнь - квартира захламлённая.
Любую вещь - поди найди!
Где ночь, листвою окаймлённая?
Где страх предчувствия в груди?

Где снег, рельефно опадающий,
мир погружающий в покой,
жар лицедейства утишающий.
Где страсть, влекомая строкой?

Где письма горькие, тяжёлые,
(за боль ценимые вдвойне),
хранимые и несожжённые,
что обжигали сердце мне?..

О, сколько лишнего, ненужного
скопилось в промелькнувших днях!
Для созерцанья равнодушного
и отпущения во прах.

ВИНОВАТЫЙ САД

Пришла эпоха Водолея,
дождь льёт с утра. Благоговя,
гляжу на мокрый сад.
Пока свои считаю вздохи,
увы, меняются эпохи,
но сад - не виноват.

А сад поёт, шумит, стрекочет -
в сто сорок нот забыться хочет,
разлиться в сорок рек.
Попробуй из другой погоды
извлечь сии чудесны ноты -
наивный человек!

Попробуй высказать наружу
всё то, что поднимает душу.
Не можешь? То-то, брат!
А сад, дождём объятый, - может!..
Как он себя теряет, множит,
ах, сколько в нём зелёной дрожи
и страсти невпопад!

ОЗЕРО

Какая в озере вода!
Уже осенняя, погасшая.
Она чиста, как сон дрозда,
и ни о чьих слезах не спрашивает.

Как это озеро стоит!
Туманом лёгким омоложено.
Оно над травами царит
и над листвой последней сброшенной.

Какая в озере вода!
Усыновляющая, тихая.
В ней отражается звезда,
и пузырьки молчанья тикают...

* * *

Как медленно текут события!
Пока наполнится стакан,
звезда сорвется с перекрытия
и рухнет в пенный океан.

Как медленно боль возвращается,
и так же - отступает прочь!
Я слышу, как Земля вращается,
и тащит за собою ночь.

Пока растут во мне решения
и гибнут, не найдя причин,
мои грехи и прегрешения -
во власти малых величин.

И засыпаю в светлой грусти я
на самом краешке земли.
Где медленно цветут предчувствия
и послечувствия мои.

* * *

Ну, и что с того, что ты прожил честно
жизнь? Ничего не крал, никого не мучил.
Сидел себе тихо дома - читал Чехова
и даже Фолкнера (от случая к случаю).

Жизнь несправедлива, и это свойство -
всякой жизни, любого формата.
Счастье - невесомое, легче волоса.
И оно не вывалится из банкомата.

Счастье даже то, что поиском счастья
занимаешься ты на энтузиазме голом.
Несмотря на сопровождающие поиск частности,
от которых можно потерять голову.

* * *

Я не чувствую так, как я чувствовал ранее,
В моём дереве - листьев идёт отмирание.

Отмирание всяких желаний и качеств.
Не с того ли ночами давление скачет?

То, что раньше рождалось любовью и нежностью,
продолжает питаться бессонницей, нервностью.

Сколько чувств перепробовано и взвешено!
То-то радость - скучна,
счастье - слишком заезжено.

Лишь тоска и печаль, что по юности дразнили,
стали много сложнее и разнообразнее.

* * *

Живу в сплошном недоумении,
недожелании... Сную
в нервном недопросветлении
у помраченья на краю.

И без претензий на внимание
свой монотонный быт кую...
Восторги разочарования
разнообразят жизнь мою!

* * *

Правды только половина
в самой мудрой из систем.
Ложь невольная - невинна!
Только мерить волю чем?

Где проходит та граница,
за которой ложь грешна,
за которой дух казнится,
сам себя лишая сна?

Кто диктует волю воле?
Кто испытывает нас?..
Запереть бы душу что ли
в золотой иконостас!

Шаг неточный, смех порочный,
слово горькое - в тетрадь.
Уступаю лжи заочной,
дабы мир не потрясать!

От порока до порока
вьётся жизни канитель...
Потому что ложь - дорога,
потому что правда - цель.

* * *

Бездумными днями, мрачными праздниками
порезана жизнь на пустоты и дыры.
Туда и ссыпаю последние пряники -
с печаткою Бога сухие просвиры.

Туда ли, к тому ли дорога молитвенная
ведёт твою душу, земного лишая?
Я знаю, что вся ты - лесная и лиственная,
и осень красу твою опустошает.

Безумные мысли коплю и раскручиваю,
я знаю: религия - ложь во спасение!
А дни и недели летят, улечиваясь,
как блики озёрные, листья осенние.

* * *

Отошла от меня, и - забыта.
Отстранённо плечом повела,
и, как ветер проходит сквозь сито,
сквозь разъятые пальцы ушла.

Электричка в тоннель улетела,
только воздух качнулся вослед...
Что ж, пора приниматься за дело,
как сказал один старый поэт.

За старинное дело простое -
бренной жизни крутить жернова,
собирать опустевшей душою
разорённые болью слова.

* * *

Я прощаю тебе твоё прошлое,
твоё настоящее и твоё будущее.
Ветры между нами такие проклятые,
такие тошнотные, такие дующие...
Все остатки тепла между нами выдули,
и последний пепел недопонимания.
Новую встречу с тобой выдумаю ли?
В моём прощении - твоё умирание...

* * *

Знаю я, что брань
на воротах не виснет,
а вытекшая вода
к устью не возвращается.
Забываю тебя -
удаляю из жизни.
Файл за файлом -
иначе не получается.

Над своей обидой
я ещё смогу вырасти,
над твоим отточенным
пренебрежением...
По компьютеру моему
шатаются вирусы,
вымарывая все твои
изображения.

* * *

Давай останемся друзьями,
ужимки бросим обезьяны.
Давай останемся в изъяне.

Давай останемся в системе
судьбы, садов, что опустели,
и отношений, что истлели.

Давай... "Как много в этом звуке".
Любовь не прислонить к науке,
она обречена на муки.

Давай... За это нужно выпить:
уж солнца глаз из тучи вытек.
Изрядный день Всевышний выпек!

Ну что ж, друзьями, так друзьями...
В башке так много всякой дряни
наружу просится по пьяни.

Нет-нет!.. Мне следует крепиться,
мужчиной быть, как говорится...
(Как много чувств во мне теснится!)

И если я сорвусь на ругань,
то значит жжёт меня мой уголь,
пока любовь идёт на убыль.

* * *

Есть у женщины причина
отключать свой телефон.
Спит у женщины мужчина -
обхватил подушку он.

Он явился ненадолго -
поутру уйдёт чуть свет.
От него не много толку -
даже вовсе толку нет.

Так... мужчинка завалящий,
в настроенье никаком -
призрачный, ненастоящий,
приходяще-уходящий,
словно дождик за окном.

СТИХИЯ ВОДЫ

Женщина - она вода живая.
И она же - мёртвая вода!
Все свою любви пожиная,
вспять итожу прошлые года.

Проклинала, верила, любила,
обнимала, плакала, кляла...
И себя как жертву приносила,
и меня на жертвенник вела.

Что ж теперь? В какое верить чудо?
Жизнь прошла в молитве несвятой.
Но ни жив, ни мёртв стою покуда
меж живой и мёртвою водой.

* * *

Что у женщины внутри, под замком?
Не рассмотришь торопливым зрачком.
Не разведает, где правда, где ложь.
Да, пожалуй, и замка не найдёшь...

Что у женщины в колодце на дне?
Свет монетки золотой в глубине.
Кто-то бросил, чтоб вернуться за ней -
В каждой женщине так много теней...

Что у женщины за памятью лет -
гулких комнат потемневший паркет.
Вроде пусто, только запах - чужой.
И стоишь с оцепеневшей душой.

Вроде пусто... Потому ль что ослеп?
И не видишь, как ты жалок, нелеп.
И отводишь ты от зеркала взгляд,
и колодцы под тобою гудят.

* * *

Нажми на reset и начнём всё сначала.
Целый год ты от меня отдыхала.
Или тебе целого года мало?

Ради тебя в любой эпицентр
бури любой брошусь, давай моментом
пользуйся, нажимай на enter.

Нажимай скорей на кнопку любую,
можно на delete. Прокричу в "трубу" я
напоследок: "гудбай, не грусти, целую..."

И повалятся тут же гурьбой в корзину
мегабайты мои, пьяные наполовину.
Электричество кончилось - зажигай лучину!

Если вглядываться в темноту ночи,
в темноту памяти, смерти и прочего,
то можно увидеть свет лица Отчего...

Небо ли это, или дикий экран синий?
В окружении геомагнитных линий
то ли душа летит, то ли меня клинит.

Ан нет, летит-летит - лёгких сайтов между,
а за нею - пиксели мелкие вперемешку.
(Ну чему ты смеёшься, спрячь усмешку!)
Это Бог мою жизнь сбрасывает на флэшку.

* * *

Пьяное бытие создаёт иллюзию
полноты жизни, мол all inclusive.
Забываешь о том, что ты лузер.

Пьяный, как известно, трезвому не товарищ.
На мысли этой особенно застреваешь,
когда с непьющим пить затеваешь.

Говоришь ему спокойно, без всякого вызова:
- Все мы - овощи, выросли из телевизора...
(И почему так мутит меня от песен Визбора?)

А трезвый не въезжает в мою мифологему,
уложить меня пытается в прокрустову схему...
(Жизнь протекает в режиме "демо")

Жена говорит мне, что я - пьяница,
что удача моя от меня пятится...
Ах, Робинзон я несчастный, а она - Пятница.

На острове моём в семь рядов книги,
телевизор цветной, ну а в нём - крики,
это кричат геи, и прочие фрики...

А всё-таки интернет забавная штука,
выйдешь на скуре, щёлкнешь пальцем: "а ну-ка!"
И возникает физиономия забухавшего друга.

И вот уже есть с кем и о чём выпить,
а ведь только что был из колеи выбит:
мол, где доказательства жизни, где вывод?
...Однажды войдя, до скончания ищешь выход.

* * *

Я брёл проспектом, злой от водки,
судьбой растрёпанный Пьеро,
а люди, плотные как свёртки,
теснились около метро.

Машины шинами шуршали,
и светофор пространство жёг.
И листья рваные летали
газонов вдоль и поперёк.

Луна, сама осатанелость,
горела в небе и в воде...
И страшно женщину хотелось,
но женщин не было нигде.

* * *

Ты одна на белом свете,
я - один в кромешной тьме.
Между нами только ветви,
присягнувшие зиме.

Да ещё морозный воздух,
льдом сковавший корабли,
да ещё тоска о вёснах,
что с годами утекли.

* * *

Повторение - мать сумасшествия.
Цепь кругов не имеет числа.
Я дожил до второго пришествия.
Но ответь мне: зачем ты пришла?

Чтобы вновь мои ночи расстраивать,
рвать в груди потаённую нить?
Чтобы снова мне душу растравливать -
молодые слова говорить?

Всё осталось за теми обрывами,
над которыми пепел и тьма.
Так зачем ты плечами открытыми
меня занововодишь с ума?

И зачем прядь волос твоих светлая
так прельстительно завита?..
Но стоит и молчит... Безответная,
безответственная Красота.

* * *

Комната остыла, за окном холодно,
и опять случится - знаю заранее -
утолять тоску свою сладким твоим голодом,
отдавая должное осязанию.

Нежность нескончаемая словно озеро,
еле уловимые слов течения...
Почему случаются лишь по осени
эти фантастические ощущения?

За окном фонарика золотой шарик,
за окном оранжевый, в полстены, вечер.
Пребываю с женщиной в одной ауре,
обнимаю медленные её плечи...

* * *

Пока ещё не рассвело,
я обниму тебя - земную,
всю шёлковую, всю льняную,
всё сонное твоё тепло.

Пока щемящее во мне
ликует чувство и томится,
и ты, сложившей крылья птицей,
мне представляешься во сне,

пока влачится звёзд обоз,
и ревность спит твоя, и гордость,
лишь мне покорна непокорность
твоих рассыпанных волос.

Пока ещё не рассвело
и вся ты пребываешь в неге,
в окне стоят глухие снега,
их много за ночь намело.

И пусть грозит нам сквозь стекло
судьба клюкою ледяною.
Ведь я с тобой, а ты - со мною...

Пока ещё не рассвело...

ПОЛОТЕНЦЕ

Полотенце помнит руки твои и плечи,
впадины глаз и впадину паха.
Полотенцу, наверное, жить легче,
чем мне - в плену своего страха.

Ты не изменишь своему полотенцу,
ведь оно греет тебя и сушит.
Ты прижимаешь его к своему сердцу,
и полотенце сердце твоё слушает.

У него изгибчивая и лёгкая память,
память о выпуклом твоём настоящем.
А память о прошлом можно легко исправить -
выстирать её, выгладить да и бросить в ящик...

Память искусительна, вроде змия,
жалят и насилуют меня воспоминания.
У чистого же полотенца - полная амнезия.
Оно заново учится осязанию.

Чистое полотенце готово любить любого,
оно по природе своей бисексуально.
И ты занимаешься с полотенцем любовью
(только не надо это понимать буквально).

* * *

Это письмо — никому, в неизвестное время,
изнутри скорлупы страха, из небытия.
Жизнь катится мимо меня, не старея,
стареют лишь голос мой да печаль моя.

Стареют бесполезные мои знания,
стареют волосы, стареют глаза...
Старость - это когда знаешь заранее
всё, что сказано будет "против" и "за".

И спорить бессмысленно, ибо всякие споры
подобны колесам, вырванным из колеи:
перемалывают воздух без нужды и опоры.
И так крутиться им до скончания дней.

Потому и лежу, и гляжу в синий
небосвод, что течёт над моей головой,
а свиток письма катится по пустыне -
слово за словом, строфа за строфой.

ПИСЬМА К ЛЕСБИИ

"Будем, Лесбия, жить, любя друг друга..."
Гай Валерий Катулл

1.

Лесбия-бесстыдница улетела на Крит к грекам.
А на что ей Греция? - мертвы все её герои.
Там камни одни, да ветер бранится с пылью.
Эта пыль там носится ещё со времён Трои.
Там камни одни, да повсюду растут оливы,
и бензином пахнет от каждой автозаправки.
О чём ты думала, Лесбия? Об Эгейском море?
О толстом усатом греке, торгующем в лавке?
Я сейчас - на севере, на берегу серого моря,
горьким пивом заливаю искру свою Божью.
Я так далеко от тебя, Лесбия, - с ума сойти можно!
Отсюда всякая правда выглядит ложью.

2.

Долго ль, Лесбия, у стен Ираклиона
будешь шлёпками стучать по древним плитам?
В море солнечном разглядывать фелюги
рыбаков, что в глубину бросают сети?
А не то сидеть под зонтиком двухцветным,
пряный дух мясной вкушая от мангала.
Ничего нет слаще критского муската.
Но всех вин на свете губы твои слаще.

3.

В благоглупостях время протекает.
Ах, никто из нас, Лесбия, не вечен.
Помнишь, Авеля ухлопал некто Каин,
по гроб жизни он виною обеспечен...

Нет на свете полезнее занятия,
чем валяться с милой Лесбией в постели,
то сжимать, то разжимать объятья,
не жалеть о том, что мысли улетели.

Век лежал бы так и сказки её слушал:
о любовниках минувших и грядущих.
Все мы, грешные, своим порокам служим -
поделившись на берущих и дающих.

4.

Друг Аврелий завёл себе подружку,
возгордился, писем мне не пишет.
Сам язычник, связался с христианкой -
нет совсем ума у человека.

Даже Фурия, дружка, с которым вместе
восемь лет в гимнасию ходил, он
избегает. Вот оно Христова
модного учения влиянье!

5.

Моя Лесбия сердится порою,
что стихов о ней слагаю мало,
что красу её и ряд её умений
недостаточно пред миром восхваляю.

Полно, Лесбия, уймись, не то Фетида,
злаязычная Публия подружка,
весь от зависти разум потеряет,
рвать одежду на себе начнёт, слюною брызгать...

Но неймётся всё Лесбии ревнивой,
до любви и сладкой лести жадной:
всё-то хочется прослыть ей первой в Риме,
музою поэзии воспетой...

И тогда сажусь я за компьютер,
что древней развалин Карфагена,
и перстами над клавиатурой,
в ожиданье Музы, замираю.

И летит немедленная Муза,
в лёгком платье, в крылышках стрекозых,
над плечом склоняется Катулла,
так на Лесбию милую похожа.

6.

Корнифиций - весельчак беспечный,
что ему не скажешь, всё смеётся.
Говорю, без Лесбии - скучаю.
Он хохочет, голову закинув.
Говорю, сестерции украли
все, что были. Всё одно - хохочет.
Говорю, погода - мразь и слякоть.
Всё равно хохочет, ненормальный.
Злиться начинаю, что за дурень?
Всё бы ему, дурню, зубы скалить!
А потом вдруг думаю, с тревогой:
Может, что стряслось у человека?
Может, потрясён он тяжким горем
и внутри него весь мир свихнулся?
Может умер кто, и он хохочет,
потому что слёз своих боится?

7.

В толстого усатого грека влюбилась
Лесбия моя. Должно быть, с безделья...
Он носит феску, имеет свою виллу,
тайно приторговывает маковым зельем.
Ах, Лесбия, ты совсем не знаешь греков!
Особенно минойцев, что от быков зачаты.
Корнями олив они связали горы свои так крепко,
что остров их до сих пор ещё не распался на части.
Конечно, они гордятся своим лабиринтом,
и у каждого в штанах волос,
что у еврея - под шляпой.
Эгейское море, Лесбия, располагает к невинным
шалостям и легкомысленным клятвам...

Но Эгейские волны шумят уже не так резво,
уже не так остро пахнет прибрежный клевер...
Ведь ты уже дремлешь в кресле чартерного рейса.
Лесбия моя, ты уже летишь на север.
А в Петрополе нашем нет, увы, ничего, кроме
жары да скуки. Да плоской речной глади...
От жары передохли все мухи в доме.
В Римских термах, помнится, было и то
прохладней...

8.

Денег занял Аврелий до субботы.
Вот уж вторник, а денег я не вижу.
Говорит, свечу поставил в храме
за меня, а свечи денег стоят.
Говорит, на божеское дело
он мои сестерции потратил.
И за это мне от Бога скидка
будет за стихи мои и блудни.
Хорошо придумал друг Аврелий -
послужить для Бога мерной ложкой.
Лучше б ты вернул мне то, что занял,
ну, а с Богом сам я поторгуюсь.

9.

Я ревную тебя к Средиземному морю.
Это чувство тех, кто в любви одинок.
Море шумит всю ночь, подобно мотору,
колёса волн выкатывая на песок.

Я ревную тебя к пучеглазым рыбам -
они могут видеть свет твоей наготы.
Я ревную тебя к серым гранитным глыбам,
в море упавшим, - их рукой касаешься ты...

Я ревную тебя к песку золотого пляжа,
обсыпающему бёдра твои и грудь.
Я ревную тебя к ветру ночному даже!
Он мне шепчет: "безумец!" А я не могу уснуть...

10.

Мы с тобой дошли до того предела,
за которым нет ни врага, ни друга.
Мы совпали полностью - с телом тело.
Мы сошли с начертанного Богом круга.

Мы одни за кругом, никто не нужен
ни тебе, ни мне. Только круг объятий
до последней близости смертной сужен,
и любая внешняя мысль некстати.

Есть лишь чувство древнее - осязание,
есть лишь место лобное - под луною.
Мы с тобою дышим одним дыханием,
мы несомы к Вечности волной одною.

Тесно-сладкий миг напоён любовью,
маслом нежности, торжеством дрожи...
Подлетают ангелы к изголовью,
и, смутясь, возвращаются в круг Божий.

11.

Что в Петрополе?
Возводят пирамиду.
Котлован огромный за рекою
вырыли рабы. Сплошь - эфиопы.
Что они построят, кроме ямы?

Я хожу смотреть на этих негров,
как бетон они ногами месят,
как сплетают прутья арматуры.
как лепёшки пресные жуют.

Снег идёт, замедленные хлопья,
как живые, кружат надо мною.
Оседает снег на грязь, на камни,
на лепёшки мрачных едоков.

Ехали бы в Африку обратно,
храм из пальм построили бы, что ли.
Не хотят. Жуют свои лепёшки -
да белками глаз сверкают жутко.

12.

Холодно стало в Петрополе, Лесбия, холодно.
Седина осени повсюду - на берёзах и липах.
Соломенным льдом озвучен
каждый мой шаг в городе.
Катятся куда-то вдаль колёса вороньих скрипов.

И я пишу тебе о том, что душа тоскует.
Что без тебя мне, Лесбия, всё вокруг не мило.
Остывает сердце в груди, из форточки дует.
Скоро в склянке моей замерзнут чернила.

13.

С милым сердцем Лесбия мила мне,
только милость Лесбии не вечна.
Камня не оставила на камне
от любви моей, стихом увенчанной.

О уймись, сестра жестокосердная!
Но, увы, не впрок увещеванья -
жжётся и шипит, как спичка серная -
изорвала все мои посланья.

Рыщет, преисполненная мщенья,
позабыв слова мои и ласки...
Фурия! Эриния! Спасенья
не найти Катуллу в книжной лавке.

14.

Темнота давит на все органы чувств.
Холод и темнота. И ничего кроме...
Призраки её страшны - облетевший куст
кажется гидрой чёрной, жаждущей крови.

Здесь за каждым углом маячит маньяк,
облекаясь в мантию привидения.
Я дышу темнотой, она входит в меня,
умножая страхи мои и тени.

Невозможно нажать на Exit и выйти из темноты,
подняться на новый уровень - к свету.
Свет, Лесбия, - это там, где ты.
Темнота - это там, где тебя нету.

15.

Далеко ты, Лесбия, в другом настоящем.
С кем милуешься там, с кем ведёшь разговоры?
Или смотришь до одури в чёрно-белый ящик,
что Зворыкин выкрал у старухи Пандоры?

А я спешил к тебе в параллельном "Вольво" -
сквозь холодную степь, бежал в твоё лето.
Повторяла дорога моя земли волны,
радиатор пылал, что твоя Этна.

И я разламывал в пути скорлупы мидий,
я подбадривал себя вином Лидийским.
"Джи-пи-эс", как всегда, глючил в Тавриде -
по небу пролетали какие-то диски.

И я не понял, сколько прошло суток,
может быть, все две тысячи лет с гаком,
как поднялся я на борт финикийского судна.
Вот он - Понт Эвксинский, окутанный мраком...

16.

Ты хочешь определённости, там,
где всё непрочно.
У тебя шесть жизней, и все - вместе.
Смерть - это единственное, в чём я уверен -
никого не минует и любого утешит.

У меня шесть жизней, и все - порознь.
Нет между ними мира, добра и лада.
Между ними недомолвки, ссоры и драки.
Медленно друг друга к смерти они толкают.

17.

Лесбия любит меня лишь за то, что я есть
на свете.
За то же - Клодия ненавидит меня.
Поэты должны умирать рано, и они в ответе
за лишние прожитые два-три-четыре дня.

Люби меня, Лесбия! И я буду жить вечно.
Храни мои чувства, обёрнутые в слова,
как хранит свои звёзды этот Путь Млечный,
как хранит свои мысли седеющая голова.

Бесится Клодия, жена моя окаянная,
злостью тёмной наполненная до краёв.
Я - виновник бед её, Катулл вечно пьяный,
то ли от вина, то ли от вздорных своих стихов.

Люби меня, Лесбия! Бёдра твои гладки,
яблочные груди твои увиты лозой.
Я в плену волос твоих, в путах твоей ласки,
нежностью переполненный и слезой.

Люби меня, Лесбия, пока я живу на свете,
топчу эти камни, мараю бумаги лист,
Пока мучаюсь на ветру, как этот
лист пожухлый, готовый сорваться вниз.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДВАЛ

1. "Это был подвал..."	3
2. "В подвале есть нечто экосистемное..."	3
3. "Взрослые в подвале ..."	4
4. "О, конь Троянский!..."	5
5. "Запахи в подвале обитали разные..."	5
6. "Окна в подвале легко разбивать..."	6
7. "Возвращаясь домой..."	7
8. "Двор казался мне всегда..."	7
9. "У подвала нет прошлого..."	8
"Помню старую Коломну..."	9
"Ещё не сломаны ключи..."	10
"Это - вечер, это - город..."	11
Мы с тобой наиграемся в фантики..."	12
"Он поставлен в центре мира..."	13
Мусорные баки	14
"Сентябрь летит, разбрасывая рифмы..."	15
"Безвозвратно разрушен..."	15
"Голова болит..."	16
"Лёгкий бред существованья..."	17
"Никто уже не читает длинные..."	18
"Любая мысль во вред..."	18
"За поэзией лжи..."	19
"...И в сердце сострадания нет..."	20
"Жена сказала: "ненавижу!..."	20
В ожидании грома.	21

"Во тьме несбыточных событий..."	22
"Не догнать ни воды, ни песка..."	23
"Выбирай вино или дорогу..."	24
"Всё вопросы, и всё без ответа..."	24
Колодец	25
"В каждой сказке растут лопухи..."	26
"Первый заморозок, в инее трава..."	27
Локня	28
Философия тени	29
"Разорвётся цепочка примет..."	30
Вечерняя песенка	31
"Вся жизнь - квартира захламлённая..."	32
Виноватый сад	33
Озеро	34
"Как медленно текут события..."	34
"Ну, и что с того, что ты прожил честно..."	35
"Я не чувствую так, как я чувствовал..."	36
"Живу в сплошном недоумении..."	36
"Правды только половина..."	37
"Бездумными днями..."	38
"Отошла от меня, и - забыта..."	38
"Я прощаю тебе твоё прошлое..."	39
"Знаю я, что брань..."	39
"Давай, останемся друзьями..."	40
"Есть у женщины причина..."	41
Стихия воды	41
"Что у женщины внутри под замком?.."	42
"Нажми на reset, и начнём всё сначала..."	43
"Пьяное бытие создаёт иллюзию..."	44
"Я шёл проспектом, злой от водки..."	45
"Ты одна на белом свете..."	45
"Повторение - мать сумасшествия..."	46
"Комната остыла, за окном холодно..."	47
"Пока ещё не рассвело..."	48
Полотенце	49
"Это письмо – никому..."	50

ПИСЬМА К ЛЕСБИИ

1. "Лесбия-бесстыдница улетела на Крит..." ..	51
2. "Долго ль, Лесбия, у стен Ираклиона..."	51
3. "В благоглупостях время протекает..."	52
4. "Друг Аврелий завёл себе подружку..."	52
5. "Моя Лесбия сердится порою..."	53
6. "Корнифиций - весельчак беспечный..."	54
7. "В толстого усатого грека влюбилась..."	54
8. "Денег занял Аврелий до субботы..."	55
9. "Я ревную тебя ..."	55
10. "Мы с тобой дошли до того предела..."	56
11. "Что в Петрополе?"	57
12. "Холодно стало в Петрополе..."	57
13. "С милым сердцем Лесбия мила мне..."	58
14. "Темнота давит на все органы чувств..."	58
15. "Далеко ты, Лесбия..."	59
16. "Ты хочешь определённости..."	59
17. "Лесбия любит меня лишь за то..."	60

ОБ АВТОРЕ

Краснов Борис Николаевич - поэт и прозаик, родился в 1953 году в Ленинграде. Окончил Электротехнический институт связи им. М.А. Бонч-Бруевича. Работает ведущим инженером в НИИ. Автор четырёх поэтических книг: "Переменная облачность" (1989), "Маятник" (1995), "Время огненных знаков" (2002), "Стеклянные деревья" (2010).

Член Союза писателей России с 1997 г.

"Лёгкий бред существования" - пятая книга поэта.